

столь подробно приведены описания иллюстраций к прижизненным книгам В. Жуковского, чтобы подчеркнуть, что лучшие рисовальщики и гравёры того времени принимали участие в их издании.

Любимые книги 20-х и 30-х годов XX века

В середине XX века антикварными книгами (в отличие от букинистических) считались и назывались книги, изданные в России не позднее 1860х годов. Такой период обосновывался, как я понимаю, двумя фактами: почтенным, не менее, чем столетним возрастом, и способами воспроизводства иллюстраций в книгах, когда на смену ручным методам начинает приходиться художественная репродукция, т. е. изготовление печатной формы воспроизведения оригинала фотомеханическими способами.

В начале XXI века, времени написания этих строк, мне представляется, что такой подход к определению антикварности русской книги должен быть изменён. При этом возможны три варианта изменения.

Первый — это считать все книги, изданные до начала XX века антикварными, как бы сохраняя минимальный столетний срок их существования. Однако, при таком подходе из категории антикварных выпало бы значительное число книг художественного и библиофильского характера, изданных в 1901-1925 годы, которые в известной мере удовлетворяли резко выросший спрос на такие издания, в связи с всплеском числа библиофилов в России в конце XIX — начале XX

веков. В этот период широкое развитие получила и антикварная книжная торговля. По моему мнению, исключать такие книги (а их изданий было множество) в начале XXI века из категории антикварных не следует.

Поэтому второй вариант изменения — это считать книги, изданные в период 1901–1925 годов также антикварными! В этом случае мы лишаемся возможности (условной, разумеется) включать в это понятие книги издательств «Academia», «ЗиФ» и некоторых других. А книги, выпущенные этими издательствами, полностью соответствуют такому понятию. Высокий полиграфический уровень книг, относительная малотиражность, яркая индивидуальность большинства изданий и высокий библиофильский спрос на них, сохраняющийся уже более полувека.

Поэтому напрашивается третий вариант изменения — включать все книги, вышедшие в России (или на русском языке в других странах) до 1940 года, т. е. до начала Великой отечественной войны, и сохраняющие значительный уровень библиофильского спроса в текущий период в понятие «антикварных». Последний вариант подкупает также возможностью определения антикварности, применительно к книгам, не менять его на протяжении ближайших 50–100 лет.

Все означенные рассуждения, конечно, могут представлять какой-либо интерес, главным образом, для подлинных и страстных библиофилов, которые ревниво относятся к тем или иным определениям, характеризующим разные стороны собранных коллекций.

Библиофильство, как явление, появилось в далёкие годы эпохи Возрождения, особенно после начала книгопечатания и развивалось довольно динамично в разных странах, достигнув высокой ступени в конце XIX—начале XX веков. Появились книголюбы, для которых такие стороны книги, как наличие переплёта, качество материалов, из которых он был изготовлен, мастерство (особенно художественное) переплётчика, сохранение первоизданной обложки, тип бумаги, изящество шрифта, которым напечатана книга, величина полей, тиражность, наличие и качество иллюстраций, способы их воспроизведений и т. п. составляли большую ценность в книге, чем её содержание.

И это я говорю отнюдь не в их осуждение. Действительно, прочитать (познать) содержание книги можно с не меньшим успехом в книге, журнале, справочнике, имеющих рядовую (ординарную) внешнюю форму, лишь бы такое издание было каким-нибудь образом защищено от нерадивого пользования читателями. Библиофилы, о которых говорилось выше, будучи сравнительно малочисленными по сравнению с массовыми читателями, которых обвинить в отсутствии книголюбства у нас нет оснований, но к искусству книги относящихся не так заинтересованно, представляют из себя «спрос» на книги, имеющие индивидуальное лицо или незначительную общность (тиражность, тип переплёта, характерный для мастеров-переплётчиков, работающих в одной мастерской и т. д.).

Если же есть «спрос», то, конечно, появляется и «предложение». Поэтому можно довольно обоснованно

ванно считать, что библиофилы (заядлые) становятся двигателями прогресса в повышении уровня качества книги, т. е. в области полиграфии, производства определённых видов материалов, способов обработки кожи, создания новых видов тканей, ну и, конечно, бумаги, красок и т. п. Видимо, не довольствуясь только ролью потребителей, наиболее увлечённые и материально не стеснённые библиофилы начали делать попытки самим издавать книги, показывая, таким образом, какие книги они хотели бы видеть на полках своих хранилищ. Для более удачливого и быстрее удовлетворения своих потребностей отдельные видные библиофилы стали объединяться в различные общества, имеющие задачу не только обмена ими своих знаний и достижений в области собирательства, но и издания близких их целям книг. О некоторых из этих изданий мне бы хотелось рассказать.

На пороге XX века в России создалось общество, получившее название «Кружок любителей русских изящных изданий» — КЛРИИ. Издание изящных книг — это была одна из основных задач Кружка: «... Содействовать развитию художественной стороны в издаваемых в России произведениях печатного и графического искусства и способствовать взаимному сближению художественных произведений».

Пропагандируя своими изданиями истинно художественную книгу, он проделал значительную работу по объединению собирателей и коллекционеров, в результате были созданы ценные библиографические труды. Кружок существовал на ежегодные взносы его действительных членов, на благотворительные пожер-

тования, а также за счёт доходов от изданий Кружка, от устраиваемых аукционов, выставок, чтений и т. д. Многие члены общества занимались серьёзной научной работой, что отразилось на его деятельности. В 1913 году КЛРИИ выпускает большое и ценное издание: «Гравюра и литография. Очерки по истории и технике, составленные И. И. Леманом». Труд был иллюстрирован многочисленными отлично выполненными репродукциями. Я несколько раз видел эту книгу, довольно объёмную, в красивых и, наверное, очень дорогих переплётах. Мой экземпляр, к сожалению, без переплёта, что затрудняет каждый раз общение с ним.

После того, как Кружок стал организовывать выставки, начали издаваться соответствующие каталоги, которые представляли собой образцы полиграфического искусства. К ним относятся «Русская и иностранная книга XV-XIX веков», «Французские и английские гравюры XVIII века» из коллекций членов Кружка. К лучшим изданиям относятся «Невский проспект» Н. В. Гоголя с 25ю гравированными рисунками Д. Н. Кардовского, изданный в количестве 150 экземпляров, из которых 125 — на веленовой бумаге и 25 — на японской. Имеющийся у меня экземпляр — на веленовой. В 1907 г. Кружок выпустил 4 басни И. Крылова в 500х экземплярах с неизданными ранее рисунками А. О. Орловского. В 1890 г. вышла поэма А. А. Пятигорского. В 1914 году — «Казначейша» М. Ю. Лермонтова в оформлении М. В. Добужинского. Эти книги тоже имели тираж в 500 экземпляров.

После революции и гражданской войны в 1920 году в Москве впервые было организовано биб-

лиграфическое общество, получившее название «Русское общество друзей книги» (РОДК). Так как проследить историю существования этого общества, продолжающуюся до 1929 года, не входит в планы наших записок, хотелось бы отметить только одно занятное обстоятельство.

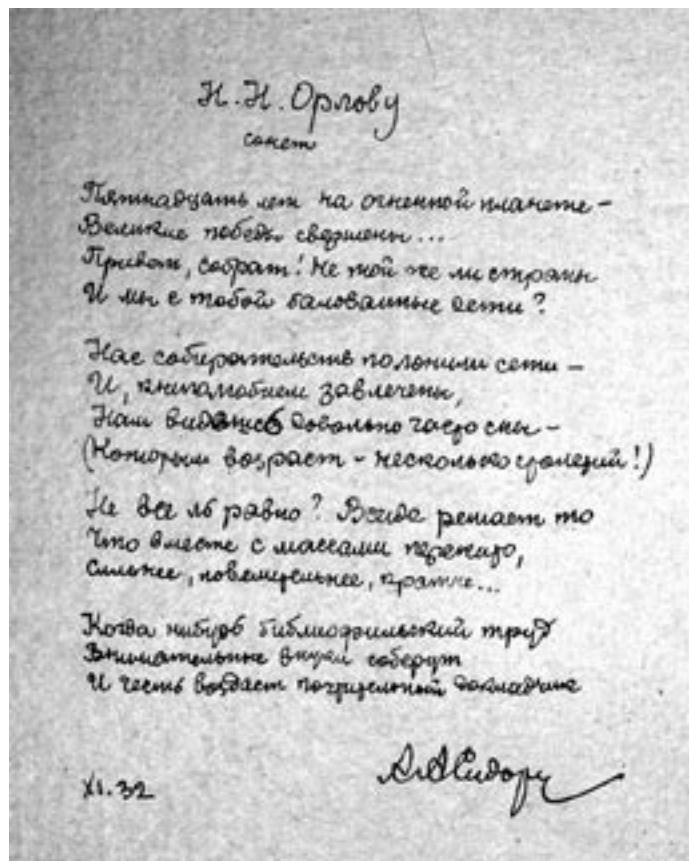
Для того, чтобы при описании книг, изданных РОДК, воспользоваться воспоминаниями современников его, я обратился к статье С. П. Фортинского, опубликованной в «Альманахе библиофила», № 1, изд. «Книга», 1973.

Сергей Петрович Фортинский собирал экслибрисы. Ныне богатейшая коллекция экслибрисов, собранная Фортинским, хранится в Государственной Российской библиотеке. Начинается эта статья: «Московские библиографические организации 1920-1930 гг. с посвящения светлой памяти члена правления и последнего секретаря РОДК А. М. Макарова и председателя секции собирателей книг и экслибрисов МОВОФ (Московская организация Всероссийского общества филателистов) Н. Н. Орлова». Занятность ситуации состоит в том, что сейчас, когда я пишу эти строки о библиофильских изданиях, передо мной лежат две небольшие книжечки, редчайшие «Портреты» Э. Голлербаха, Л., 1926 г., с экслибрисом «из книг А. М. Макарова», довольно простым, но со вкусом сделанным; и экземпляр «Кантаты» А. Сидорова с автографом (сонетом) Н. Н. Орлову. Так неожиданно официальные строки посвящения ожили у меня на столе.

Из довольно многочисленных изданий РОДК в моей коллекции (применительно к библиофильским

изданиям правильное определение) хранятся только две книги.

Первая — это упомянутая мною «Кантата». Именно с неё началась издательская деятельность РОДК, отмечая, таким образом, первую годовщину своего существования. А. Сидоров, автор этого стихотворного произведения, сочинённого в стиле В. А. Жуковского «Певца во стане русских воинов» и ссылкой на это в тексте стихотворения, воспеваает членов-учредителей общества. Эта небольшая брошюра, напечатанная на бумаге верже, в светло-синей обложке вышла в двух изданиях: в московском, тиражом 13 экз., из них 11 именных с автографом автора; и в петроградском, тиражом 7 экз. (вторым тиснением). В качестве наборщиков «Кантаты» значится будущий академик И. А. Орбели и будущий чл.-корр. АН СССР, известная историк искусства К. В. Тревер. В конце брошюры шуточное меню банкета «из никаких продуктов». На фронтисписе рисунок Н. Б. Бакланова, гравированный И. Н. Павловым «Библиофил в 1920 году». Библиофилом, читающим при минусовой температуре громадный фолиант перед столом с сухой селёдкой, по сообщению чл.-корр. АН СССР К. В. Тревер, изображён Александр Николаевич Бенуа. Экземпляр, хранящийся в моей коллекции, не имеет принадлежности, напечатанной типографским способом, кому-нибудь персонально, т. е. не является именовым. Это один из двух московских экземпляров, оставшихся у автора книги. Экземпляр имеет особенность — у него два фронтисписа одинакового тиснения И. Н. Пав-

лова, но первый из них раскрашен и имеет автограф художника Н. Б. Бакланова. На свободной от текста странице стихотворение А. А. Сидорова, адресованное Н. Н. Орлову, датированное ноябрём 1932 г. Вероятно, экземпляр хранился у А. Сидорова с 1921 по 1932 год. Думается, что строки сонета-посвящения уместно привести:

«Пятнадцать лет на огненной планете —
 Великие победы свершены...
 Привет, собрат! Не той же ли страны
 И мы с тобой балованные дети?
 Нас собирательств полонили сети —
 И книголюбием завлечены,
 Нам виделись довольно часто сны
 (Которым возраст — несколько столетий!).
 Не всё ль равно? Всегда решает то,
 Что вместе с массами пережито
 Сильнее, повелительнее, кратче...
 Когда-нибудь библиофильский труд
 Внимательные внуки соберут,
 И честь воздаст почтительный докладчик».

Комментарии излишни. Описанный экземпляр мне достался следующим образом. По дате оценки это был август 1984 года. Зайдя в один из магазинов, где в это время производилась оценка партии книг, явно библиофильского плана, я спросил у принимающего, чьи это книги? Ответ я не получил, очевидно опасаясь, что и без магазина найду продающего. Его в тот момент в магазине не было. Вместо ответа товаровед магазина, взяв в руки эту брошюрку в 24 страницы, спросил меня, не знаю ли я, что это такое. На

ней стояла цена предыдущей покупки 2 р. 50 коп., и книжка у товароведа уважения не вызывала. Высказав своё мнение, что цена явно заниженная, меня спросили: «А за 5 руб. я её куплю?» Согласие тут же было получено. Таким образом, в этой удивительной по судьбе книжечке ещё отражены две цены. Интересно, чтобы сказал по этому поводу её автор, А. А. Сидоров, посвятивший всю свою большую жизнь искусству книги и графики? Мне представляется, что пожелания, высказанные им в сонете к Н. Н. Орлову, в какой-то, может быть, незначительной мере мы попытались воплотить в жизнь.

Воистину, как заметил Фейербах, «судьбы некоторых книг столь удивительны, способ, которым они сохраняются, столь необыкновенны, что... над ними, очевидно, властвует провидящий гений».

Вторая книга, изданная РОДК, хранящаяся у меня на полке, — это «Домик в Коломне» А. С. Пушкина с иллюстрациями В. А. Фаворского. Воспользуемся ещё раз статьёй С. П. Фортинского: «Этот шедевр графического искусства и полиграфии вышел в свет уже после ликвидации РОДК тиражом 500 пронумерованных экземпляров, из которых только около 100 сохранилось в Советском Союзе.» Напомню, статья написана более 30 лет тому назад и в значительно большей стране.

Было бы неверным сделать вывод, что в первые годы Советской власти выпускались великолепные книги библиофильского характера только общественными организациями. В 1920-24 гг. издательствами «Аквилон», «Алконост», «Петрополис» и некоторы-

ми другими издавались очаровательные книжечки, иллюстрированные одними из лучших художников этого времени. Они выходили тиражами, как правило, до 1000 экземпляров и в хорошем, так сказать, первоизданном виде сохранились в незначительном количестве.

Эти книжки настолько прекрасно изданы, что мне доставляет удовольствие даже их перечисление. Представляется, что я держу их в руках. К ним относятся издания, выпущенные «Аквилоном»: «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина с рисунками М. В. Добужинского (тираж 1000 экземпляров), А. Ренья «Три рассказа» с рисунками Д. Бушена (тираж 500 экземпляров), «Шесть стихотворений» Н. Некрасова с рисунками Б. М. Кустодиева (тираж 1200 экземпляров), «Тупейный художник» Н. С. Лескова с рисунками М. В. Добужинского (тираж 1500 экземпляров), «Штопальщик» Н. С. Лескова с рисунками Б. М. Кустодиева (тираж 1000 экземпляров), «Русь» Е. И. Замятина с рисунками Б. М. Кустодиева (тираж 1000 экземпляров), две книжечки о творчестве художников З. Серебряковой и В. Замирайло (обе тиражом по 1000 экземпляров), «Белые ночи» Ф. М. Достоевского с рисунками М. В. Добужинского (тираж 1000 экземпляров). Издательство «Алконост» выпустило две книжечки А. М. Ремизова: «Заветные сказы» и «Царь Додон» (тираж 333 нумерованных экземпляров каждая); издательство «Петрополис» выпустило книгу А. Ренья «Семь портретов» с рисунками Д. М. Митрохина (тираж 327 нумерованных экземпляров), книгу А. Ахматовой «Подорожник».

Позднее, в 1929-30 гг. несколько подобных книжек выпустило «Книгоиздательство писателей в Ленинграде» — это «Житие блохи» Е. И. Замятина с рисунками Б. М. Кустодиева (тираж 500 экземпляров), «Леди Макбет Мценского уезда» Н. С. Лескова с рисунками Б. М. Кустодиева (тираж 5300 экземпляров) и некоторые другие.

Найти эти книги и приобрести считалось большой удачей для коллекционера. Повторное издание одной из них в 1963 году — «Белые ночи» Ф. М. Достоевского тиражом 30 тысяч экземпляров — только увеличило интерес к приобретению оригинала — книжки, изданной в 1923 году издательством «Аквилон».

Интересно отметить, что наряду с книжками этих, можно сказать, аристократических издательств, государственные учреждения так же выпускали книжки с иллюстрациями. У меня имеется книжечка М. Ю. Лермонтова «Княжна Мэри» с рисунками В. Белкина (тираж не указан), вышедшая под эгидой «Народная библиотека». Что характерно для этой книжки — это напечатанный текст на обратной стороне обложки: «Никем из книгопродавцов означенная на книге цена не может быть повышена под страхом ответственности». Цена была напечатана на задней странице обложки — 50 руб. Книга была выпущена в 1920 году.

К подобным изданиям можно отнести книгу А. С. Пушкина «Дубровский» с рисунками Б. М. Кустодиева (тираж 3000 экземпляров), выпущенную в 1925 году Госиздатом. Конечно, качество бумаги и выполненные типографские работы в этих изданиях намного ниже, чем в описанных выше книгах.

Издательством, выпускавшим лучшие книги советского периода, по мнению многих собирателей — настоящих любителей, ценивших не только содержание книги, но и качество издания, было издательство «Академия».

Книги выпускались этим издательством сравнительно небольшими тиражами, 5-10 тысяч экземпляров. Отличные бумага, материалы для переплёта, добротная работа переплётчиков, прекрасные суперобложки, плюс высокая номинальная цена книг определила сохранение значительной части книг в хорошем (приятном для коллекционирования) виде. Правда, у этих книг была одна особенность. Так как редакционная работа, создание книжного аппарата (расширенных комментариев, предисловий, послесловий) в издательстве «Академия» были поставлены на высоком уровне, то для этой цели издательство привлекало крупных специалистов.

Очень многие из них, начиная с главного редактора Каменева Л. Б., попали под жернова сталинских репрессий, как теперь принято говорить «необоснованных». Применительно к книгам, выпущенным издательством, можно образно сказать, что и многие книги также были репрессированы. По установившейся в то время системе фамилии репрессированных, работы, выполненные ими в составе выпущенных книг, подлежали удалению, чтобы будущий читатель, как говорится, «ни сном, ни духом» не знал ничего про этих людей. Реализовывать эту меру возможно было только во время продажи таких книг через сеть букинистических магазинов. Суще-

сятков лет и никогда не издававших друг друга, больше не переиздавалась.

За годы поисков книг издательства «Академия» мне удалось их приобрести, в достойном, по моему представлению, виде, около двухсот томов, т. е. примерно одну треть изданного. В их число попали почти все книги, которые мне хотелось иметь. К ним относятся 8 томов своеобразного собрания лучших романов А. Дюма: «Три мушкетёра», 1 том; «Двадцать лет спустя», 2 тома; «Десять лет спустя», 3 тома; «Граф Монте-Кристо», 2 тома. Если же вспомнить, что эти книги изданы в 1928–29 годах, и в составе коллекции они хранятся в настоящее время в первозданных суперобложках, можно представить степень их редкости в таком виде.

В связи с этими томами А. Дюма, мне вспомнилась занятная история. Купил я их у одного книжного деятеля, который, используя исключительно выгодную топографию своего жилья — на Кузнецком мосту, во дворе магазина «Подписные издания», — развил бурную книжную торговлю. Его знали многие агенты из различных городов России, а теперь, можно сказать, и Украины, свозившие ему старые книги, купленные ими в провинциальных городах. Я рассказываю об этом, так как этот вид торговли был каким-то образом терпимым в советское время. Каким, не понимаю до сих пор, ибо милиция систематически боролась со стихийным книжным рынком, функционирующим по выходным дням именно в этом районе, а остальные дни недели деятель, о котором я рассказываю, нормально трудился на ниве книжной торговли, т. е.

ему регулярно приносили разные по объёму партии книг и также регулярно посещали его покупатели. Среди них бывал и я. Именно у него я купил тома А. Дюма. Но это только начало рассказа.

Проходит несколько лет, и меня находит человек, спрашивающий: «Правда ли, что у меня есть эти тома в суперобложках»? Удивлённый, я отвечаю утвердительно. Тогда он просит их продать ему, говоря, что за ценой не постоит. Я его спросил, кто он, и как меня нашёл. Вот его история.

Он, как и я, читал в детские годы эти книги, были они, естественно, без суперобложек, но эти романы произвели на него огромное незабываемое впечатление. Во второй половине пятидесятых он попал на работу в г. Норильск. До 1955 года жители этого города были, в основном, заключённые, т. е. рабочая сила на огромном комбинате цветных металлов была бесплатной. Но после XX съезда КПСС, известного доклада Н. С. Хрущёва, началась массовая реабилитация невинно репрессированных, удержать их на месте для дальнейшей работы в качестве свободных людей было невозможно. Останавливать работу предприятия было нельзя. Поэтому, начиная с 1956 года, в г. Норильск привлекались работники со всей страны, заключая временные контракты с высокой заработной платой. Имелось в виду, что часть этих людей, привлечённых высокой материальной заинтересованностью, там осядут. Я бывал в г. Норильске, посещал городской краеведческий музей, приехал туда путём заключённых, т. е. паромом по Енисею от г. Красноярска до порта Дудинка, а потом по местной

железной дороге Дудинка-Норильск. Эта дорога, говорили жители Норильска, стоит не на шпалах, а на костях заключённых-строителей.

Я это напомнил потому, что в пятидесятые годы это был единственный путь попадания в Норильск, путь летний, а остальное время город был полностью отрезан от «материка», как говорят норильчане. В настоящее время ситуация существенно изменилась, после постройки аэропорта в хрущевское время для норильчан открылся прямой круглогодичный путь на большую землю, поэтому платить так много, как платили за работу в пятидесятых годах, уже не надо было.

Вот, человек, нашедший меня, рассказал, что он 2 года проработал в Норильске, ему понравилось, он туда вернётся, а сейчас приехал в отпуск, обладая серьёзной суммой заработанных средств и, будучи книголюбом, решил часть их потратить на книги. В частности, он от кого-то узнал, что книги А. Дюма, читанные им в детстве, имели другой первозданный вид, чем те, которые он читал. И он решил их найти в Москве, чего бы это ему не стоило. Меня он нашёл просто, поисковые пути привели его на Кузнецкий мост, там он попал к деятелю, о котором я рассказал, и тот указал на меня, дал телефон и т. д. С интересом выслушав рассказ и ещё раз просьбу: «Только называйте цену, я тут же заплачу», я ответил ему, почему-то ставшем мне симпатичным: «Ваш рассказ меня тронул, ваши ощущения в области академического А. Дюма полностью совпадают с моими. Поэтому я очень дорожу этими книгами и не отдам их ни за ка-

кие деньги. Мне они тоже навевают такие воспоминания, с которыми я не хочу никогда расставаться. Приятно было познакомиться, оставьте какие-либо координаты, и, если мне попадутся ещё раз эти книги, я немедленно дам вам знать». Но мне такие книги больше не попадались.

19 томиков француза Анри де Ренье и идеальном состоянии изданы также в эти годы. Чего стоят названия отдельных романов — «Дважды любимая», «По прихоти короля», «Полуночная свадьба» и ряд других. Действия романов А. Ренье происходят, в основном, в XVIII веке. Сообщаю это потому, что названия современных отдельных литературных опусов звучат ещё хлеще. Примеров я не привожу, чтобы не участвовать в рекламе и, естественно, резервирую свою оценку качества подобной литературы.

В 1935 году издательство приступило к изданию девятитомного юбилейного собрания сочинений А. С. Пушкина малого формата. Помимо высокого качества переплётов (впрочем, обычных для всех выпускаемых этим издательством книг), использованием тонкой бумаги высоких сортов, печатании в типографии Гознака, это издание отличалось, главным образом, девятью гравированными портретами А. С. Пушкина, выполненными специально для этого издания В. А. Фаворским, А. А. Суворовым, Л. С. Хижинским, С. М. Мочаловым, Н. И. Пискарёвым, Ф. Д. Константиновым, Г. А. Ечеистовым, И. П. Павловым и Г. Васильевым. Итого девять очаровательных томиков с 9ю портретами разных художников. Выпущенное в большом для издательства «Академия»

тираже 20.300 экземпляров, это издание в букинистической торговле встречается крайне редко.

Представляет и на сегодняшний день большой интерес своеобразная библиотечка мемуаров известных деятелей девятнадцатого века. Многие из этих книг не переизданы и поныне.

В 1934 году издательство «Академия» стало выпускать серию художественных изданий. К лучшим образцам её следует отнести изданную в 1935 году «Историю одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина с автолитографиями известного живописца и графика А. Н. Самохвалова. Эти автолитографии на Парижской выставке 1937 года были удостоены высшей награды «Гранд при».

Среди хранящихся у меня книг издательства «Академия» хочется выделить книгу В. Вересаева «Пушкин в жизни», 2 части в одном переплёте, изд. 1932 года. Это издание сравнительно большого (17,5 25,5) формата, переплетено у меня в полукожаный издательский переплёт. Мне не удалось выяснить, много ли экземпляров этой книги было переплетено таким образом и для какой группы книголюбов это было сделано. Нет ссылок на это явление и в обстоятельном каталоге выставки книг издательства «Академия», состоявшейся в 1980 году. Поэтому свой экземпляр, по моему мнению, может считаться редкостью. Хотя экземпляр довольно усталый, что свидетельствует о том обстоятельстве, что кто бы ни был (или ни были) предыдущие владельцы этой книги, её читали.

В те годы это был один из важнейших источников для читателей, интересующихся жизнью Пушкина.

В настоящее время о содержательной стороне книги В. Вересаева так уже не скажешь. За прошедшие годы после её издания вышло огромное количество книг, исследований, мемуаров, переписки современников, по новому осветивших различные моменты жизни Пушкина, его жены Наталии Николаевны, так что многие оценки, сделанные В. Вересаевым, не кажутся нам абсолютно верными.

Весьма жаль, что издательство «Академия» прекратило в 1937 году своё существование. Впрочем, этот год памятен для страны не только этой потерей.

У меня имеется ещё одна книга, изданная в 1932 году, переплетённая в цельнокожаный переплёт, да ещё по передней и задней крышке прямо по высококачественной коже тиснены аллегорично морские волны и птица, которая реет над ними. Уже ясно, что речь идёт о произведениях М. Горького. Книга издана Государственным издательством художественной литературы (ГИХЛ). В ней много иллюстраций на вкладках — художников В. М. Конашевича и К. С. Петрова-Водкина. Переплёт, форзац (морская стихия), суперобложка, футляр (в моём экземпляре отсутствующие) и рисунок на титульном листе — работа художника-архитектора И. Ф. Рерберга. Заставки и концовки художника В. М. Конашевича. Обрез книги особенный — головка (верхняя сторона гладкая и выкрашена красной краской, остальные стороны страниц обрезаны художественно с мелкими углублениями). Цена на книге не указана. На последней странице после оглавления даются некоторые раз-

яснения, для чего выполнена такая роскошь оформления книги, которая могла быть недоступна даже богатым библиофилам дореволюционной поры. Оказывается всё очень просто — книга вышла в серии иллюстрированных изданий современной художественной литературы, выпускаемой ГИХЛ к XV-летию Октябрьской революции.

В этой серии анонсировался выпуск 16 книг, первой из которых являлась описываемая книга М. Горького. В анонсе сказано, что все эти 16 книг выйдут в свет в период ноября 1932 — января 1933 г. Мне не пришлось видеть хотя бы ещё одну книжку, которая объявлялась к выходу в свет. Возможно, на книге М. Горького серия и завершилась. Тираж книги М. Горького указан 8500 экземпляров. Совершенно очевидно, что такое количество книг в кожаных переплётах выпущено быть не могло. Очевидно, что описываемый экземпляр особый, но для какого круга людей или группы людей (членов ЦК ВКП(б) и Политбюро) — определить не удалось. Тем не менее, этот, можно сказать, образец полиграфического искусства, выполнен фабрикой книги «Красный пролетарий» в г. Москве в 1932 году, одном из наиболее тяжёлых для благосостояния советских людей. В годы первой пятилетки (1929–32 г.) были открыты специальные магазины для торговли с иностранцами, где товары продавались только на валюту и золото, золотые изделия. Магазины эти назывались коротко — «Торгсин». Именно в те годы народное стихотворчество придумало куплеты:

«Как в «Торгсине»
На витрине
Сыр и масло, колбаса.
А в рабочем магазине
Солнце, воздух и вода».

А книга в 1932 году вышла роскошная.

Рассказывая про библифильские издания, выпущенные в 20х–30х годах XX века, нельзя не посвятить несколько строк книгам, изданным в Ленинграде, городе, где родилась традиция выпуска высокохудожественных и библифильских книг ещё в царское время.

Мне пришлось упомянуть книжечку «Портреты» Э. Голлербаха, на которой стоит экслибрис А. М. Макарова. В связи с этим я хочу рассказать немного об изданиях Э. Голлербаха, хранящихся в моей коллекции. Эрих Фёдорович Голлербах — петербургский библиофил, критик, искусствовед, поэт, философ, художник-график и библиограф. Родился в Царском селе, обучался в Царскосельском университете. С 1918 года начал работать в музеях. С 1923 года заведовал художественной частью Государственного издательства в Ленинграде и состоял Председателем ленинградского общества библиофилов.

В книге Э. Голлербаха «Город муз», 2е изд., Л., 1930 г., приведён перечень опубликованных им работ. Этот список состоит из 40 работ, вышедших в отдельных изданиях и 30 работ, опубликованных в различных печатных изданиях, сборниках и альманахах. Первая из работ датирована 1918 г., а последняя, естественно, 1930 г. 70 работ за 13 лет — завидная рабо-

вала группа специальных работников, которая просматривала все без исключения покупки магазинов и на разрешение к продаже книги ставила специальные штампы. Для того, чтобы было дано разрешение на продажу книг, издательством «Академия» из книг удалялись фамилии «врагов народа», т. е. просто стирались, иногда до дыр, а предисловия в любом количестве страниц вырезались.

Словом, книги поступали в продажу в изуродованном виде. Для собирателя—коллекционера такие книги ценились намного дешевле, чем нетронутые рукой цензора. Только после смерти Сталина эту практику истребления первозданности книг прекратили. Понятно, что подобной цензуре подвергались книги не только издательства «Академия», но другие книги не были предметом коллекционирования, и поэтому следы цензурирования не привлекали практически внимания покупателя.

Согласно каталогу книг издательства «Академия», выпущенного в 1980 году издательством «Книга», всего книг за период с 1922 по 1937 г. издано было 741 название, из них 440 названий — это художественная литература, фольклор, мемуары, дневники и материалы по истории литературы.

Однажды мне представилась в Лавке писателей на Кузнецком мосту возможность увидеть выставленную на продажу почти полную коллекцию книг издательства «Академия». Это было очень давно, в начале пятидесятых. В годы моего собирательства я не встречал коллекционеров, ставящих задачу собрать все книги, выпущенные этим издательством, хотя со-

бирали эти книги многие. Кстати, содержание книг было настолько интересным и высококачественным, что их охотно покупали не только собиратели коллекций. Расхожий лозунг, что «книга — лучший подарок», следовало по праву перефразировать, что «книга издательства «Академия» — самый лучший книжный подарок».

В моей жизни книги этого издательства играли некоторую особую роль. Во-первых, это были книги, которые по виду мне очень нравились ещё в детские годы, но которые стоили достаточно дорого и были для меня недоступны; и, во-вторых, для моей матери, окончившей консерваторию, но не практиковавшей, Пётр Ильич Чайковский был не только любимым композитором, но и человеком, жизнью которого она очень интересовалась. Поэтому в нашем доме ещё в тридцатые годы были 3 тома переписки Чайковского с Надеждой фон Мекк, выпущенной издательством «Академия». Для моей матери это были любимые книги. Естественно, они остались в Харькове при эвакуации родителей. Зная, какой интерес эти книги представляют для матери, я сумел подобрать их и отправить из Москвы в Челябинск, где мать жила свои последние годы. Можно отметить ещё одну деталь, связанную с ними. После смерти матери, а потом отца, единственное, что мне досталось в наследство — эти 3 тома. Я их берегу, хотя их вид не столь коллекционный, как другие книги этого раздела библиотеки. Кстати говоря, как мне известно, эта переписка двух исключительно интересных людей, продолжавшаяся несколько де-

тоспособность и плодовитость. Мы же ограничимся работами библиофильского характера. К ним относится, конечно, и упомянутая книжка «Город муз», 2е изд. Это издание малого формата, на обратной стороне титульного листа напечатано: «Обёртка, обложка, силуэты, начальные буквы и др. — работы автора. Отпечатано в количестве 1000 экземпляров». На последней странице: «Издание автора». Об этой книге написал П. Н. Мартынов в своих воспоминаниях: «Эта книга моментально разошлась и стала редкостью сразу же после того, как вышла в свет».

Что касается первого издания «Города муз», вышедшего в 1927 году, то она ещё более прелестна, если о книге можно так сказать. Весьма интересны силуэты, особенно первый, работы П. А. Шиллинговского «Отечество нам Царское село», портреты А. С. Пушкина и И. А. Крылова работы Г. И. Нарбута, Н. С. Гумилёва работы Е. Д. Кругликовой, и А. А. Ахматовой работы Е. Д. Белухи. Вот как сказано про это издание в статье К. Ковалёва «Из архива П. И. Чагина» («Альманах библиофила», № 16, М., «Книга», 1984): «Одним из председателей ленинградского общества библиофилов был Эрих Фёдорович Голлербах. П. И. Чагин, ведавший изданиями книг, отчасти и бумагой, не мог не иметь некоторого отношения к печатной продукции, выпускаемой ленинградским обществом книголюбов. Свидетельством этому может стать уникальная книга «Город муз», увидевшая свет в 1927 году. Она числится как «издание автора» — Э. Голлербаха. На одном из изысканных библиофильских раритетов надпись: «Петру Ивановичу Чагину в знак

искреннего уважения и приязни. Автор, 10 авг. 1927». На обороте титула «Города муз» мы видим текст: «Отпечатано в количестве 300х экземпляров, из них 25 нумерованных на голландской бумаге верже», и далее рукой автора приписано: «№7, Г...»

Экземпляр этой книги в моей коллекции носит № 5 с подписью автора Г. Но, кроме этого, Э. Голлербах преподносит эту книгу не разгаданному мною адресату Т. в виде такого автографа: «Царскосельские музы, сочувствующие (я знаю) каждой моей радости, приветствуют Вас, Т., в день Вашего возвращения с «максимального» юга в туманную столицу севера», Г., 21 окт. 27.

Представляет интерес ещё одно библиофильское издание Э. Голлербаха. Это библиофильский дифирамб «Диоскуры и книга», Л., 1930. На титульном листе кроме названия: «Сочинение Э. Голлербаха, рисунками Д. Митрохина, Н. Радлова, К. Сомова и Л. Хижинского украшенное», на обороте титула: «Обложка Евг. Белухи, издание автора — на правах рукописи. Отпечатано 100 нумерованных экземпляров. Экземпляр №», и рукой написано: «LXXXVIII». Про эту книгу вспоминают каждый раз, когда в какой-либо из работ характеризуют редкость библиофильского издания. Но ярче всех, по-моему, сказал П. Н. Мартынов в своих воспоминаниях «Полвека в мире книг», Л., «Наука», 1969. Цитирую весь абзац, касающийся этой книги.

«В последние годы книги Голлербаха попадают на антикварном рынке очень редко и являются предметами коллекционирования для библиофилов.

Особенно интересен в этом отношении его библиофильский дифирамб «Диоскуры и книга», изданный в количестве 100 нумерованных экземпляров. В этом произведении содержатся шуточные дифирамбы деятелям Комитета популяризации художественных изданий. За книжкой много лет охотился страстный библиофил Николай Павлович Смирнов-Сокольский, который очень хотел иметь её в своей коллекции. Розыски его были безуспешны, несмотря на то, что он тратил много денег на угощения тех, кто её имел. Как только речь заходила об уступке этой книжечки, собеседник тотчас наострял уши и боялся даже дать её в руки Смирнову-Сокольскому, зная настойчивость и пыл этого библиофила. Пожалуй, Николай Павлович до самой кончины эту книжечку так и не приобрёл». Замечу, что помимо библиофильской стороны (малое число отпечатанных экземпляров), книжечка ещё очень интересна своим содержанием. Каждый дифирамб тому или иному деятелю Комитета популяризации художественных изданий — это маленький, но яркий портрет видным художникам, издателям, искусствоведам Ленинграда двадцатых годов.

Возвращаясь к книге Голлербаха «Портреты», Л., 1926, то это литографированное издание. На обратной стороне титульного листа написано: «Настоящее издание отпечатано в количестве ста нумеров экземпляров на правах рукописи. Рамка обложки и титула — раб. Е. Белухи. Силуэтный портрет, линейки и концовки раб. автора. Экземпляр № 33». Всего в книжечке 8 стр. текста литографированного, 8 сти-

хотворений Голлербаха: Федору Сологубу, Максимилиану Волошину, Всеволоду Рождественскому, В. К. Лукомскому, Георгию Лукомскому, А. Я. Головину, Евгению Белухе, В. Сварогу. Книга, видимо, настолько редкая, что не нашёл я ни одного источника, где бы она упоминалась, кроме перечня работ Э. Голлербаха в 1м и 2м изданиях «Города муз», причём во 2м издании есть сообщение о выходе в 1930 г. 2го издания «Портретов», дополненного. Мне видеть его не пришлось. Книжечку эту мне подарила довольно давно одна из немногих московских букинисток.

В моём собрании хранятся ещё несколько книжек Э. Голлербаха, которые помогли мне расширить кругозор по искусствоведению. К ним относятся «История гравюры и литографии в России», ГИЗ, 1923 г.; «Рисунки М. Добужинского», ГИЗ, 1923 г.; «Современная обложка», изд. Академии художеств, Л., 1928 г.; «Графика» Б. М. Кустодиева, ГИЗ, Л., 1929 г. Все эти книги содержательны и потому, наверное, стали редки в настоящее время, но они не носят узко библиофильского характера. Их тиражность более 3х тысяч экземпляров каждая.

Чтобы завершить раздел описания, связанный с изданиями ленинградских библиофилов, нельзя не остановиться на «Альманахе библиофила», изданного ленинградским обществом библиофилов в 1929 году. Это великолепное издание было выпущено в соответствии с лучшими традициями русских изящных изданий. «Альманах...» содержал 35 иллюстраций на отдельных листах. Первые 156 нумерованных экземпляров, а также именные были одеты в матерчатые

гобеленовые переплёты с зелёной кожаной наклейкой на корешке, украшенной золотым тиснением. Переплёты ручной работы были выполнены П. Соколовым, в прошлом одним из лучших мастеров знаменитой переплётной мастерской А. Шнеля. У меня имеются 2 экземпляра «Альманаха библиофила-29», в переплёте — № 10 и простой — № 64, оба куплены в разное время в московских букинистических магазинах.

Мне казалось интересным собрать издания с иллюстрациями Бориса Григорьева. Тем более, что выпускались такие книги-альбомы с библиофильским уклоном.

«Борис Григорьев. Расея», Петербург, 1918 г. В цикле «Расея» 9 картин и 60 рисунков. Отпечатано 750 пронумерованных экземпляров, в том числе экземпляры римской нумерации I-L в продажу не поступают.

Мой экземпляр № 200, отличной сохранности.

«Борис Григорьев. Интимите», Петербург, 1918 г., 86 стр.

Напечатана в количестве 1000 экземпляров, пронумерованных от I до L + 950. Экземпляры римской нумерации в продажу не поступают.

«Борис Григорьев. Буи-Буи», Петрополис, 1924 г., текст М. Осоргина. Отпечатана в количестве трёхсот экземпляров. Мой экземпляр № 232, отличной сохранности.

«Саша Чёрный. Детский остров». Рисовал Борис Григорьев, изд. «Слово», без года издания, 160 стр.

На моём экземпляре подарочная надпись «Славному Игорьку от Доры. 25.XII-20».

Я назвал этот рассказ «Любимые книги 20х и 30х годов XX века». Из этого названия, после того, кто сумеет (я имею в виду — хватит терпения) прочитать его до конца, тот может сделать вывод, что я хотел выделить описанные книги из всего многообразия книг, выпущенных в эти годы. Но это не так. Автор рассказа эти книги любит и очень ценит среди всех антикварных книг, изданных в России за все годы. Они радуют меня так же (во всяком случае, не меньше) как, скажем, альманахи пушкинской поры или русские книги XVIII века. Вот что я хотел сказать названием рассказа.

«Земля и Фабрика»

Мне хочется добрым словом вспомнить одно из первых советских издательств «Земля и Фабрика», сокращённо «ЗиФ». Созданное в 1922 году, оно издавало книги и журналы до 1930 года, после чего вошло в государственное издательство «Госиздат». За время своего сравнительно недолгого существования им были изданы собрания сочинений иностранных авторов на очень высоком полиграфическом и редакционном уровне.

Пытались они издавать и произведения современных для их эпохи советских авторов, но как ни странно, это удавалось им хуже. Можно выделить лишь собрание сочинений И. Эренбурга в семи томах. Красивые обложки, хорошая печать и другие атрибуты хорошего вкуса. Хотя к 1927-28 гг. И. Эренбургом было